

BERELOWITCH A., WEVIORKA M. LES RUSSES DEN BAS: ENQUETE SUR LA RUSSIE POST-COMMUNISTE. PARIS: SEUIL, 1996. 439 P.

Заглавие книги не переведешь буквально, попробуем поэтому подойти к нему постепенно, шаг за шагом уточняя смысл. Итак, это жители России (или, как стали писать и говорить после 1991 года, "россияне"), увиденные не сверху, но и не сторонним взглядом, а как бы захваченные "на месте", показанные "из гущи", изнутри, лицом к лицу и даже их собственными глазами. Социологическое исследование социальных сил и движений в России на стадии перелома, материалы которого легли в основу книги, было организовано именно так, чтобы удержать и сохранить эту, казалось бы, "естественную", но на самом деле сложно налаженную, "стереоскопическую" оптику.

Начать с устройства самого рабочего коллектива. В многолетней работе участвовали как французские социологи, авторы этой книги Алексис Берелович и Мишель Вевьерка, так и российские аналитики (их коллектив возглавляли Л.А.Гордон и Э.Г.Клопов), а само исследование, включавшее, с промежутком в год, две "волны" бесед с представителями различных социальных движений и сил современной России — в общей сложности сто шестьдесят встреч в декабре 1991 — марте 1992 годов и в марте-июне 1993 года — входило в еще более широкий, руководимый видным французским социологом Аленом Туреном международный проект изучения посттоталитарных обществ, охватывавший также Польшу, Румынию, Чехию и Словакию. В основу исследования был положен метод "социологической интервенции", разработанный в 70-е годы А. Туреном¹. Были проведены дискуссии с политическими активистами демократического движения Москвы и работниками систем законодательной и исполнительной власти Таганрога, новыми предпринимателями и директорами крупных промышленных предприятий, представителями независимого профсоюза кемеровских шахтеров и деятелями "старых" таганрогских профсоюзов, активистами экологического движения в Нижнем Новгороде и гуманитарной интеллигенцией в Москве. (Напомню, что "социологическая интервенция" предполагает работу, прежде всего, с рядовыми представителями того или иного коллективного действия или движения, включая их партнеров и оппонентов, а не с высокостатусными руководителями или профессиональными идеологами; поэтому слова *d'en bas* из заглавия книги обозначают еще и "низовых" активистов того или иного движения — в противоположность облеченным официальными полномочиями "верхам" — и их самостоятельные, а не навязанные "сверху" инициативы.)

Авторы книги не склонны ни к социальному прожектерству, ни к антиутопическому катастрофизму. Поэтому они равно далеки от обеих крайностей, нередких в суждениях о нынешней России и в самой стране, и за ее пределами, — как от конструирования идеальных путей и "правильных" форм социального развития (они, чувствуется, меньше всего хотели бы занимать здесь позицию поучающих наставников), так и от несколько мазохистских констатации социального распада и разгула иррациональной стихии, недоступной-де изучению и разумному пониманию (иначе говоря, они справедливо не считают нужным отказываться от привилегий собственного ума и не спешат заранее расписываться в профессиональной несостоятельности перед окружающей, еще не уложившейся и неcodифицированной социальной реальностью). Напротив, А.Берелович и М.Вевьерка видят свою задачу в том, чтобы "трезво рассмотреть посткоммунистическую эпоху, которая не сводится ни к гипотезам о полном социальном вакууме, ни к

¹ Тактика этого — также, в свою очередь, коллективного и многоступенчатого — действия описана в специальном разделе введения ("Социологическая интервенция") и в методическом приложении, завершающем книгу. С основами метода А.Турена на русском языке знакомила его статья, открывавшая сборник предварительных публикаций по материалам данного исследования "Новые социальные движения в России" (М.: Прогресс-комплекс, 1993); коротко говоря, работа при этом проходит два этапа — первичного самоанализа участников вместе с исследователем и последующего обсуждения аналитических гипотез исследователя-социолога ("конверсии") членами группы с целью пересмотра и уточнения группой смысла своих действий, всего социального движения, его истории. Публикация материалов в России была продолжена в книге Л.Гордона, Е.Груздевой, В.Кома-ровского "Шахтеры-92: Социальное сознание рабочей элиты" (М.: Прогресс-комплекс, 1993) и в опубликованном под редакцией Л.Гордона и Э.Клопова сборнике "Освоение новых социальных ролей актерами старой общественной сцены (тенденции и проблемы переходного времени)" (М.: ИМЭМО РАН, 1994).

драматизированным сценариям, пророчащим повсеместное распространение насилия, диктатуру, худшие из крайностей нерегулируемого рынка и столкновения между республиками, этносами и народностями" (с.10). По мере углубления в предмет, его анализа эта трезвая и взвешенная позиция становится, надо заметить, все отчетливей, обоснованней и — в смысле точности понимания происходящих в России процессов — плодотворней.

В качестве главных проблем исследования первоначально выдвигаются характер и темпы перехода России к современному и развитому ("модерному") состоянию — к демократии в политике и рынку в экономике, а соответственно в центр исследовательского внимания ставятся новые самостоятельно действующие лица ("актеры") на общественной сцене, в экономической, политической и культурной сфере, "их запросы, планы и ориентиры, трудности и границы их действия и, в конечном счете, их возможный вклад в формирование гражданского общества" (с.10). Исходную аналитическую рамку для социологического описания коллективного действия, его ориентации, мотивов и оценок при этом образуют следующие взаимодополнительные оси: разрушение старой системы / построение новой системы; выражение частных, групповых, прежде всего — профессиональных интересов ("специфическое" действие) / выражение коллективной солидарности, отношения к социальному целому, политической системе, государству ("политическое" действие), включая весь спектр "смешанных" форм; напряжения между признанной необходимостью модернизации страны и ее издержками, ценой реформ (с.34).

В этой сетке координат А.Берелович и М.Вевьерка последовательно рассматривают политические изменения в России — появление "неформалов", возникновение политических партий, судьбу демократического движения (часть I), либерализацию предпринимательской сферы — ориентиры, фантомы и самооценки новых предпринимателей и директората крупных промышленных предприятий (часть II), рабочее движение, возникновение новых независимых профсоюзов и адаптацию старых профсоюзных структур к меняющейся обстановке (часть III), экологические инициативы как частный случай социокультурного протеста (IV) и "закат интеллигенции" — функциональное исчерпание ее просветительских и смягчающих власть функций, намечающиеся ценностные сдвиги в сторону профессионализации, напряжения и эрозию коллективной идентичности (V). Каждая из перечисленных частей книги Береловича и Вевьерки строится как историческая траектория возникновения и существования данной группы активистов, ее (а вместе с ней, рискну добавить, в какой-то мере и исследователей) переход от первоначальных иллюзий и эйфории открывшихся возможностей, от открытого политизированного противостояния старой системе ("героические дни") через последующий кризис группового самопонимания и постепенный распад группы или движения к нынешней минимизации глобальных политических требований и сосредоточении на конкретных задачах текущего дня и индивидуальной, профессиональной активности. Значимыми точками выступают здесь августовский путч 1991 года и распад СССР, гайдаровские реформы и вооруженное противостояние президента и парламента в октябре 1993 года (к книге приложена краткая хроника десятилетия от избрания М.Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 года до захвата заложников в Буденновске в июне 1995-го).

В главах, посвященных, например, трансформации политической сферы, эти перемены в сознании активистов описываются их собственными словами как "возвращение к норме" — отсылка к особой, промежуточной смысловой конструкции "нормального мира", где политика составляет удел профессионалов, а все остальные занимаются своим делом, и такому же представлению о некоем "нормальном пути развития", с которого Россия в свое время как бы сошла, но куда непременно вернется (с.68-70). Подобный "фатализм нормы" позволяет участникам перенести собственную политическую демобилизацию и растущую дистанцию между политической системой, с одной стороны, и населением, отошедшим от массовых выступлений и переставшим возлагать на власть особые надежды, с другой. Итог соответствующих перемен, в который составной частью входят и усилия исследуемых политических активистов, описывается в книге следующим образом: "В ряде аспектов сложившаяся система сохраняет преемственность по отношению к коммунистическому режиму... Ельцинская Россия — это поразительная политическая и институциональная конструкция, в которой не существует представительной демократии и над правовым государством смеются, но где государство гарантирует сохранение основных свобод и отказывается их ущемлять в

соответствии с обстановкой. Эта формула работает в той мере, в какой население, со своей стороны, не требует более широкого политического участия, а власть — в отличие от времен классического коммунизма — больше не ставит своей целью его мобилизовать" (с.132).

Аналогичные сдвиги (в заданных исторических рамках) авторы прослеживают и в отношении самопонимания и оценок потенциальных носителей экономических перемен, новых предпринимателей. Первоначальное противостояние консервативной власти, борьба за освобождение предпринимательской инициативы от государственной опеки порождает впечатляющий взрыв организационной активности (на с. 143-144 авторы приводят ряд данных о динамике создания кооперативов, частных предприятий, банков и т.д.). Столкновение со сложившейся политической системой и ее внутренними формами контроля над ресурсами, капиталами и рынком ведет многих предпринимателей к разочарованию в планах глобальной перестройки экономической сферы, отказу от "смешанного", политизированного действия и борьбы за представление их коллективных интересов, достижение общих целей. Кроме того, индивидуальный успех, со своей стороны, тоже дезинтегрирует предпринимательские слои. Запас их активности по преимуществу реализуется теперь в виде быстро растущей прослойки "новых русских", "которые не чувствуют в политической эволюции России ничего угрожающего и не видят причин вмешиваться в дела государства, вообще выходить на уровень политической системы" (с.178). Отмеченный здесь авторами книги парадокс состоит в том, что новые предприниматели, выступавшие в свое время за либерализацию экономики, рынок и т.д., со временем все меньше заинтересованы в процессах демократизации и вообще будущем страны, тогда как директорат крупных промышленных предприятий, напротив, активнее выступает в поддержку реформ.

Иначе говоря, речь теперь идет уже не о прежнем утопическом "переходе" к западному рынку, а о некоем новом, реально действующем типе экономики, использующем для сдвига "старые" структуры и социальные силы. И точно так же, как в сфере политики гарантом сохранения основных гражданских свобод выступает государство, во многом сохраняющее преемственность по отношению к прежней системе, так в области экономики движущими силами перемен становятся "прежние актеры, переходящие на новые рельсы в рамках медленно трансформирующейся политической культуры" (с. 211). Аналогичную закономерность А.Берелович и М.Вевьерка наблюдают и в рамках профсоюзного движения: на основании бесед с активистами у авторов складывается впечатление, что и здесь побеждают не насаждаемые "сверху" новые независимые профсоюзы по кемеровскому образцу, а "реконверсия старых профсоюзов, можно сказать, "снизу" (с.293). Важно подчеркнуть, что общим контекстом для подобных — можно сказать, менее радикальных, более рутинных и, уж конечно, куда более долговременных, чем еще недавно казалось и политическим активистам, и их исследователям, — форм развития "нового силами старого" или использования "старых форм в новых целях" является, как отмечают авторы, "сокращение едва намечившегося политического пространства представительной демократии" (с. 336).

Характерны социальные фантомы, возникающие в сознании деятелей тех или иных общественных движений по ходу описанных процессов демобилизации и возрастающей неопределенности собственного статуса, эрозии коллективных целей и т.п. Если для политических активистов это возвращение "красных" (или "красно-коричневых") и угроза люмпенизации страны, для новых предпринимателей — люмпенство и мафия, то для гуманитарной интеллигенции, перемены в самосознании которой прослежены авторами, может быть, с наибольшей обстоятельностью, — это "рынок" с его "законами чистогана" и "массовая культура" с ее "бездумностью" и "безвкусицей". В условиях ценностного выветривания, группового распада и слабости позитивных ориентиров ("общечеловеческие ценности" никакой функциональной нагрузки, понятно, не несут и вынести не смогут) постсоветское коллективное сознание в поисках хотя бы временной и мнимой целостности, в качестве какой-то опоры и точки отсчета апеллирует к "теням" прежних всевластных авторитетов, опять-таки метафорам нерасчленимого — но теперь уже угрожающего — целого, прибегает к "негативным" самоопределениям. Одной из подобных точек отсчета становится, в частности, "прошлое", воображаемое и конструируемое здесь и сейчас по контрасту с нынешним днем и при отсутствии интереса к дню завтрашнему: "После краткого периода колебаний, — заключают свой анализ А.Берелович и М.Вевьерка, — Россия не создает сама свое будущее, твердой ногой вступая в демократию и рынок, а движется спиной вперед, опираясь на прошлое" (с.403).

В заключение несколько слов о принятом авторами подходе, его заданных и сознаваемых ими границах. В анализе социальных сдвигов и перемен А. Берелович и М. Вевверка исходят из "точки зрения действующих лиц", а не "системы", но надеются, что предпринятый анализ, в случае его результативности, обогатит "восприятие системы и ее эволюции"². Известное дистанцирование от "всеохватывающих теорий", обращение к "мягким" методам, "предоставление слова" рядовым участникам социальных процессов и учет "обратной связи" социолога с ними, опора на "человеческий документ" и т.п. — явные тенденции в развитии социальных наук на Западе за последнее двадцатилетие, объяснимая и отчасти оправданная реакция на глобальные претензии структурного функционализма 50-70-х годов. Подобная аналитическая стратегия и тактика дают, особенно "по контрасту", на первых порах (и на начальных этапах конкретного исследования) немалые преимущества, убедительным свидетельством чему — рецензируемая книга. Крайне важны, более того — незаменимы такие способы работы и в плане историческом. Однако отказ от "большой теории", в общем понятный для западной социологии, изучающей "современные" социальные системы, которые уже прошли эпоху крупномасштабных переломов и потрясений, может быть, далеко не столь оправдан в нынешних российских условиях (и шире — в постсоветской ситуации, включая восточноевропейскую). По крайней мере, богатейший опыт эмпирических зондажей в России последнего десятилетия натолкнулся на необходимость как раз концептуальных разработок природы сегодняшнего (а задним числом — и вчерашнего, советского) общества, на дефицит именно общетеоретических рамок в исследовании социальной структуры и ее динамики, социальных движений, проблем социальной и культурной идентификации, границ и особенностей формирования политической, экономической, культурной сфер в российском обществе, характера лидерства и структур авторитета в нем — вообще в анализе структур сложного социального действия.

В этом смысле, скажем, описанный авторами рецензируемой книги феномен модернизации через использование "старых" механизмов, сил и социальных актеров — не только весьма многозначительный эмпирический и исторический факт, но и теоретическая проблема, по крайней мере, он требует специальной теоретической концептуализации. Какова ролевая структура и в чем функциональная специфика таких социальных механизмов, их место в морфологии данного общества? Каково самоопределение действующих лиц в подобных "недомодерных" структурах действия и как эти "архаично-новаторские" (если вспомнить давнее выражение Ю.Тынянова) структуры связаны собственно с процессом изменений, влияют на его характер? Не это ли один из авторов книги парадоксально назвал в другой публикации "действием без действующих лиц", "модернизацией без модернизаторов"?³ Думаю, похожий ряд вопросов можно было бы отнести и к структуре, функциональной роли, социокультурным видоизменениям такого специфического образования, как советская и постсоветская "интеллигенция" (при известной, конечно, близости ее в некоторых отношениях к европейским и американским "интеллектуалам" на определенных исторических стадиях их существования и самопонимания). Все это, естественно, выходит далеко за пределы данной конкретной книги и поставленных ее авторами прямых задач. А потому сказанное под занавес — не столько отклик на уже написанное нашими французскими коллегами, сколько практическая задача на будущее, значимая и интересная, хотелось бы надеяться, для всего зримого и незримого сообщества исследователей российской реальности.

Б.В.ДУБИН

Всероссийский центр изучения общественного мнения

² Концептуальный подход авторов подробно изложен в статье: Berelowitch A., Weviorka M. La formation d'acteurs sociaux, politiques, économiques et culturels en Russie postcommuniste // Cahiers internationaux de sociologie. 1993. Vol.XCV. P.239.

³ Berelowitch A. Action sans acteurs / Penser le sujet. Autour d'Alain Touraine. Paris, 1995. P.289-300.